

ПРОСТОТА на СЦЕНЕ

ЧЕЛОВЕК будто за-
таился. И ходит мед-
ленно, и спокнен
очень. Слово прислу-
шивается к себе, сло-
во проверяет что-то
чрезвычайно важное.
Такое бывает в мину-
ту неожиданного счастья. «Я — че-
ловек не трудный, по все времена чест-
ный был» — говорит он. После этих
слов звенит напряженная тишина.
Пусть она измеряется всего лишь се-
kundой-другой. Цель достигнута: наред-
нами — раздумье, перед нами — слож-
ная жизнь, к которой стоит присмот-
реться, которую важно понять.

Таков артист А. Ионов в роли Сало-
ва Ильи Григорьевича, ночного сторо-
жа, хозяина добротного дома, отца за-
сидевшейся в девках дочери Циорки.
Дочь выходит замуж наконец. В день
свадьбы отец вглядывается присталь-
нее в себя, и в дочь, и во все, что про-
исходит в его доме, на его глазах. «Я
человек не трудный...» А какой ты че-
ловек, Салов Илья? — угадывается за
этим. «Во все времена честный был...
А почему тебе удалось это, какой че-
ной?»

Когда на сцене Новокузнецкого дра-
матического театра — «В день свадь-
бы» В. Розова, в зале нет равнодуш-
ных. Слов нет, сама пьеса остра, че-
ловечна. Но, по видимому, и режиссеру—
заслуженному артисту ВССР И. Поло-
зу, и ведущим актерам многое удалось
на этот раз по большому счету. Спек-
такль активно обсуждается в интрак-
тах. Если взяться анализировать его,
то выстроится ряд аргументов за и
против спектакля. Выберем из них

один, самый обыкновенный и самый
трудный — простоту. «Проще, легче,
выше, веселее — вот первые слова, ко-
торые должны были бы висеть над
каждым театром — храмом искусства,
если бы театры были такими», —
говорил Станиславский. Проще, легче,
выше, веселее... Театральная азбука.
Но как нелегко это первое «А» — про-
ще...

«В день свадьбы» ставили многие
театры. В том числе и Кемеровский
драматический. Здесь это была пре-
дельно острая работа с блестящими
находками и неожиданными поворо-
тами мысли. Вот только простоты Ке-
меровскому театру не хватало. И зри-
тели выходили из театра либо подав-
ленные, либо растерянные. То, что
спектакль хлестал их всех подряд, —
было нетрудно уловить, но вот за что,
понять удавалось не каждому.

На первый взгляд новокузнецкие на-
шли более легким путем: их спектакль
— традиционный. У кемеровчан же
на первом месте — поиск. Поиск —
дело творческое и не приветствовать
его нельзя. Только поиск поиску рознь.
Можно опутать сцену веревками и
утверждать, что в этом сила спектакля.
А можно не так явно и броско, шаг
за шагом показывать, как опутали не-
видимые нити паутины душу... Вышеше
и глубоко внутреннее решение. Второе
по всем приметам менее эффектно.
А по существу гораздо более сложно.
То, что делает, скажем, артист А. Ио-
нов, чрезвычайно просто. Он живет на
сцене. Но давно известно, что именно
это и есть самое сложное в искусстве
актера. А Ионов магнитом своего ма-
стерства притягивает внимание зрителей

к своему герою, заставляет пристально
следить за ним, думать вместе с ним.

Говоря о предыдущем театральном
сезоне накануне открытия нового, мы
берем лишь частный, но принципиаль-
но важный для театров нашей области
вопрос и стараемся рассмотреть его на
примерах некоторых работ. Поэтому,
сравнивая отдельные моменты спектак-
лей двух театров, вовсе не утвержда-
ем, что в одном — безусловная удача,
в другом — наоборот.

Итак, о простоте.
В Прокопьевском театре ставили
«Свадьбу Кречинского». Хорошо уже
то, что эта интересная пьеса Сухово-
Кобылина полилась на сцене одного
из театров Кузбасса. Не так уж часто
ставят ее.

...Яркие, пышные костюмы прошлого
века, мягкие гостиные, статный, краси-
вый барин...

Но вот барин эффектным «театраль-
ным» жестом откинул руку, красивым
«театральным» голосом изрек: «Стой-
те! Стойте!» И радость от предстоящей
встречи с интересным произведением
искусства погасла. Откуда эта дуриная
театральность? Все от того же стрем-
ления — не быть простым. А проще-то
— значит сложнее. Простотой то Кречинский — человек с его душевными
ранами, осознать и выразить которые
в силах лишь мастер, не ремесленник.

Проще — значит сложнее... Не в этом
ли причина ухода и к некоторому фир-
мализму и к дуриной театральности?
Вторая дорожка более откровенна и
простодушна. Здесь на виду слабое ма-
стерство, плохой вкус, неумение рас-
считать собственные силы, наивная
претенциозность. Надо сказать, что в

какой-то степени этими качествами не
первый год отличается Прокопьевский
драматический театр им. Ленинского
комсомола. Здесь смело берутся за
сложный, требующий большого актер-
ского мастерства, репертуар. Здесь не-
мало энтузиазма и увлеченности. Все
это хорошо. Но работы всего лишь двух
актеров — самого главного режиссера
Г. Легкова и П. Федченко — по итогам
прошлого сезона вызывают интерес.
Только им присуща та многотрудная
простота, о которой мы ведем сегодня
речь. В «Киевской тетради» Вадима
Собоко актер П. Федченко сумел так
по-человечески просто сыграть фашиста,
врага на нашей земле, Майера, что,
может быть, впервые в своем театре за-
ставил выглянуть на противника как
на умного, сильного и живучего... Ана-
лизировав эту работу актера, в театре
с удивлением отметили, что он ничего
особенного не делает. «Видно, слышно
и понятно», — как говорил Михаил
Тарханов. Вот и весь секрет успеха.
Секрет, требующий большой учебы, на-
пряженного творческого труда, необхо-
димых для коллектива в целом.

Второй дорожка выглядит отнюдь не
поиском более легкого пути и по всем
внешним приметам не похожа на уход
от мастерства. Она требует культуры,
знаний. Однако тем не менее позво-
ляет кое-где замаскировать отсутствие
подлинного творчества. В Кемеровском
драматическом театре был поставлен
спектакль по комедии Фредро «Месты».
Вот уж поистине произведение, где все
было настолько не просто, что ни театр,
ни зрители не могли объяснить смысл
новления на сцене этого произведения
искусства. В окружении бантиков,
обильно украсивших сцену, соорились
старые паны, кривлялись молоденькие
паны. Зачем все это, было не ясно. Сом-
нительное новаторство сопутствовало не
одной работе Кемеровского драмати-
ческого театра. Так, по воле режиссера

В. Вайнштейна в спектакле по пьесе
А. Н. Островского купчиха кувирка-
лась на сцене... Слабенький формаль-
ный трюк, к тому же уж очень не по-
вый. И олянь — зачем он? Безусловно,
для того, чтобы Островский зазвучал
по-новому. Но почему именно в кувир-
кании надо искать эти новые звуки?
Потому, очевидно, что своеобразное
прочтение Островского и новое его от-
крытие требует и своеобразия читающе-
го, и способности увидеть новое в глу-
бине характеров героев, в специфике
произведения, и уместности его поста-
новки в наши дни. А это сложнее. Это
та самая простота, что требует подлин-
но творческого мастерства, сила кото-
рого, по словам Станиславского, в со-
знании гражданского долга.

Сознание гражданского долга... Имен-
но оно не позволит уйти в область ту-
манных новаций по имя самовыраже-
ния. Оно же должно стать лигающей
поллинные искания пружинкой.

Прошлый театальный сезон в Куз-
бассе, интересный в целом, отличался
все же некоторой замкнутостью театр-
льных коллективов, оторванностью
от сегодняшнего дня с его острыми
проблемами, с его людичиной трудовой
жизни. Иные спектакли были непло-
хой школой для творческих коллекти-
вов, но не представляли интереса для
широких масс зрителей. Хорошо дело
начал Кемеровский областной драмати-
ческий театр во время работы над
пьесой Б. Брехта «Трехгрошовая опе-
ра». Для зрителей проводились лекции
и беседы, устраивались конференции.
Театр пристально следил за тем, как
и на что реагируют люди, для кото-
рых сделан спектакль. Это помогло в
работе. К сожалению, такую связь
нельзя назвать постоянной. А стоило
бы ее укрепить и расширить с тем,
чтобы глубже полять интересы совре-
менников, их требования к искусству

Т. ШАТСКАЯ.

Комсомолец Кузбасса
г. Кемерово

19 СЕН 1965